

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ПРИМАРНОЙ МЕТАФОРЫ

ЖАБОТИНСКАЯ С. А.

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

У статті зіставлено основні положення теорій первісної та концептуальної метафори. Зіставлення здійснено за такими параметрами, як поняттєва природа цільового та вихідного понять (концептуального референта і корелята), спосіб їхньої взаємодії одне з одним та роль культурного фактора у формуванні метафор.

Ключові слова: концептуальна метафора, первісна метафора, культурний фактор, концептуальний референт, корелят.

В статье излагаются основные положения теории первичной и концептуальной метафоры. Сопоставление осуществляется по таким параметрам, как понятийная природа целевого и исходного понятий (концептуального референта и коррелята), способ их взаимодействия друг с другом и роль культурного фактора в формировании метафор.

Ключевые слова: концептуальная метафора, примарная метафора, комплексная метафора, метафора по сходству, метафора по взаимосвязи.

This paper discusses the basic issues of the Theory of Primary Metaphor in their comparison with the relevant issues of the Theory of Conceptual Metaphor. The two theories are compared along such parameters as conceptual nature of the source and target domains, the way of their interaction with one another, and the role of culture in construing metaphors.

Key words: conceptual metaphor, primary metaphor, complex metaphor, resemblance-based metaphor, correlation-based metaphor.

Теория примарной метафоры (Primary Metaphor Theory) была разработана Дж. Грейди [6–9; 10] в русле теории концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory), создатели которой – Дж. Лакофф [18], М. Джонсон [19] и М. Тернер [20] – подчеркивают тот факт, что метафора как феномен языка и речи является следствием существования метафоры в мышлении, ибо сама мысль человека по своей природе метафорична. Теория концептуальной метафоры ставит целью уяснение того, что есть метафора как когнитивный механизм и как она объективируется в различных знаковых системах, прежде всего – в системе естественного языка. По предположению авторов теории, содержание нашего мышления (существующие в нем понятия и системы понятий) предопределяется нашими физическими ощущениями и телесным опытом, которые широко используются в метафорических процессах [19]. Это предположение получает развитие в концепции Дж. Грейди, согласно которой телесный опыт человека становится источником для примарных, или примитивных, метафор (primary or primitive metaphors). Английское слово *primary* имеет значения “первичный, изначальный” и “первостепенный”. В названии термина *primary metaphor* это слово используется в первом значении. При переводе термина на русский язык возможны формулировки *первичная метафора* и *примарная метафора*. Вторая формулировка представляется более адекватной, поскольку слово *примарный* не является членом пары *первичный – вторичный*, за ним закреплено значение “первичный, изначальный”, которые, объединяясь друг с другом, формируют комплексные метафоры (compound or complex metaphors).

Актуальность статьи связана с необходимостью более глубокого ознакомления отечественного читателя с современными теориями метафоры, которые являются неотъемлемой частью когнитивной лингвистики и основные положения которых должны входить в методологический аппарат любого исследования, посвященного лингвокогнитивному анализу метафор в языке и речи.

Целью статьи является изложение сути теории примарной метафоры в ее сопоставлении с теорией концептуальной метафоры.

Как операция мышления, концептуальная метафора уподобляет не только отдельные концепты, но и целые домены, или широкие понятийные области, включающие различные тематически близкие концепты. В когнитивной лингвистике под доменом понимается любая связанная область концептуализации, выступающая в качестве контекста для определения значения языкового знака [15, р. 147, 547]. Например, значения слов *окно*, *дверь*, *стена* являются концептами, относящимися к домену ЗДАНИЕ. Целевой концепт или домен (*target concept / domain*), осмысляемый с помощью метафоры, есть концептуальный референт. Сравнимый с ним исходный концепт или домен (*source concept / domain*) – концептуальный коррелят. В русскоязычных переводах терминов *target concept* (целевой концепт, концепт-цель, концепт-мишень и пр.) и *source concept* (исходный концепт, концепт-источник и пр.) отсутствует единообразие. Кроме того, предлагаемые термины неудобны для русскоязычного текста. В англоязычном оригинале в большинстве случаев используются редуцированные формы *target* и *source*, относящиеся и к концептам, и к доменам. Редукция предлагаемых русскоязычных терминов дает формы *цель* и *источник*, за которыми в научном тексте закреплены более широкие нетерминологические значения. В связи с этим в качестве аналогов терминов *target* и *source* используются термины (*концептуальный референт* и (*концептуальный коррелят*), приводимые Н. Арутюновой [1, с. 296] в списке соответствующих дефиниций компонентов метафоры. При сравнении референта с коррелятом имеет место перекрестное картирование (*cross-mapping*) [16], то есть определенные характеристики коррелята проецируются на определенные характеристики референта. Выборочность таких характеристик соответствует “картированию внимания” (*mapping of attention*), при котором, по Л. Телми [22, р. 77], определенные части конфигурационного паттерна внимания картируются на определенные области референтной сцены.

Приведенные выше определения, сформулированные в рамках теории концептуальной метафоры (далее – ТКМ), являются действительными и для теории примарной метафоры (далее – ТПМ). Сходства и различия между ними отслеживаются в толковании: понятийной природы референта и коррелята метафоры; способа их взаимодействия, или перекрестного картирования; роли культурного фактора при формировании метафор.

Толкование понятийной природы референта и коррелята концептуальной метафоры связано с такими аспектами, как их абстрактность / конкретность, сложность / простота, представленность разветвленными образными схемами или элементарными понятиями, взаимодействующими в примарной сцене.

Создатели теории концептуальной метафоры подчеркивают тот факт, что метафора является когнитивной операцией, предназначенной для осмысления абстрактных, нечетких понятий с помощью понятий конкретных, имеющих перцептивную основу и тем самым более четких [18, р. 19; 13, р. 20]. Иными словами, понятийно неструктурированный референт метафоры соотносится с понятийно структурированным коррелятом. При этом референт и коррелят должны принадлежать к разным понятийным пространствам, то есть они должны быть разведены в мысли.

В ТКМ идет речь о метафорическом взаимодействии концептов или доменов с различным объемом содержания. Они могут быть достаточно простыми, нечленимыми на составляющие, например, БОЛЬШЕ ЕСТЬ ВЫШЕ / MORE IS UP (*The price of shares is going up. She got a high score at her exams* [2, р. 296]). Взаимодействующие концепты или домены могут быть также достаточно сложными, включающими целый ряд различных деталей, например, ЛЮДИ ЕСТЬ МАШИНЫ / PEOPLE ARE MACHINES (*He's a human calculator. He's so efficient; he's just a machine. He's had a nervous breakdown* [2, р. 296]).

Понятийная природа референта и коррелята объясняется в терминах схем, или понятийных обобщений. Схема, возникающая в результате множественных случаев нашего сенсорного, перцептивного и моторного взаимодействия с предметным миром, есть образная схема – *image / imagistic schema* [11; 17]. Согласно ТКМ, референт и коррелят метафоры могут иметь достаточно сложные образные схемы, которые участвуют в перекрестном картировании как единое целое. При этом схема коррелята должна быть более конкретной и четкой, чем схема референта. Сравним более четкую образную схему коррелята МАШИНА, включающую информацию о работе машины и ее частей, и более размытую образную схему референта ЧЕЛОВЕК, включающую информацию о разноплановых действиях человека и функциях его организма.

В теории примарной метафоры рассматривается особая группа примеров, в которых референт и коррелят связаны друг с другом в рамках конкретного сенсорного опыта. То есть они принадлежат к одному и тому же понятийному пространству: референтом становится понятие, являющееся “субъективным откликом” на сенсорный сигнал, информация о котором представлена в корреляте метафоры [2, p. 304–305]:

СХОДСТВО ЕСТЬ БЛИЗОСТЬ / SIMILARITY IS NEARNESS

(That color is quite close to the one on our dining-room wall)

ВАЖНОСТЬ ЕСТЬ ВЕЛИЧИНА / IMPORTANCE IS SIZE

(We've got a big week coming up at work)

КОЛИЧЕСТВО ЕСТЬ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ /

QUANTITY IS VERTICAL ELEVATION

(The price of shares has gone up)

ЖЕЛАНИЕ ЕСТЬ ГОЛОД / DESIRE IS HUNGER

(We are hungry for a victory) и т. п.

В таких метафорах референт (СХОДСТВО, ВАЖНОСТЬ, КОЛИЧЕСТВО, ЖЕЛАНИЕ), в отличие от коррелята, не имеет непосредственной перцептивной базы. Так, например, СХОДСТВО есть субъективная оценка, в то время как БЛИЗОСТЬ – видимое положение объектов; ЖЕЛАНИЕ – аффективное состояние, ГОЛОД – физическое чувство. Однако референты метафоры не являются в буквальном смысле абстрактными, ибо они относятся к области наиболее фундаментального, основополагающего и непосредственного опыта, которым мы обладаем как человеческие существа. Соответствующие метафоры Дж. Грейди называет *примарными* в силу того, что представленные в них базовые, изначальные метафорические соответствия имеют особый статус, будучи основой для других, более сложных метафорических концептуализаций и их языковых обозначений [8, p. 81]. Примарные метафоры демонстрируют типовую связь между понятиями, которые в равной степени являются “базовыми” в том смысле, что оба они возникают в результате непосредственного опыта и перцептивного восприятия. Референт и коррелят противопоставляются скорее по степени субъективности (*degree of subjectivity*) [2, p. 304] опыта, чем по их принадлежности к абстрактным или конкретным сущностям.

В ТПМ идет речь о взаимодействии простых феноменологических ощущений, лишенных большого количества деталей. Эти ощущения являются смежными, связанными между собой по принципу “стимул (коррелят) – реакция (референт)”. Корреляты примарных метафор являются атрибутивными понятиями, то есть содержат информацию не о предметах, а об их свойствах, которые могут быть задействованы в сравнении [21]. Именно такими свойствами являются ВЕЛИЧИНА, ВЕС / ТЯЖЕСТЬ, ГОЛОД и пр.

Если в ТКМ понятийная природа референта и коррелята метафоры объясняется в терминах образных схем, которые могут быть достаточно разветвленными и которые участвуют в перекрестном картировании “целиком”, то в ТПМ вместо понятия образной схемы

используется понятие примарной сцены (*primary scene*) [6, p. 162], которая признается основой метафорического процесса как такового. Примерами примарных сцен могут быть поднимание тяжелого предмета и сопутствующее физическое напряжение, сладкий вкус и вызываемые им приятные ощущения, оценка объекта как дефектного в результате созерцания его неправильной формы, фокусировка внимания на объектах большего размера (из-за их большей потенциальной значимости в качестве препятствия, угрозы, награды и пр.) [8, p. 84]. Примарные сцены как более локальные структуры, чем образные схемы, мотивированы конкретными данными опыта. Например, образная схема КОНТЕЙНЕР обобщает информацию о контейнерах различного типа. Но каждый из таких типов предполагает существование различных примарных сцен, которые обуславливают появление различных метафор. Сравним случаи, в которых коррелятом метафоры является движение внутрь комнаты и вынимание содержимого из коробки [21]. Кроме того, в ТПМ сужается сама интерпретация термина “образная схема”. Для Дж. Грейди это только то понятие, которое имеет внешнюю сенсорную поддержку. В первичной метафоре таковым является лишь коррелят, ибо референт здесь относится к сфере внутренних ментальных состояний.

В ТКМ и ТПМ рассматриваются аспекты взаимодействия референта и коррелята метафоры (их перекрестное картирование), связанные с принципом инвариантности, а также с разделением метафор на те, что основаны на взаимосвязи, и те, что основаны на сходстве. Кроме того, способ взаимодействия референта и коррелята примарной метафоры поднимает вопрос о её соотношении с концептуальной метонимией.

В теории концептуальной метафоры выборочность определенных характеристик метафорического коррелята, картируемых на характеристики референта, является результатом высвечивания / сокрытия (*highlighting / hiding*) [18, p. 10–13]: если референт структурируется в терминах конкретного коррелята, последний высвечивает одни свойства референта и одновременно скрывает, оставляет неактивированными другие свойства. К примеру, в метафоре СПОР ЕСТЬ ВОЙНА / ARGUMENT IS WAR (*He won the argument*) высвечивается конфликтная природа спора и скрывается организованный характер дискуссии. Другая же метафора – СПОР ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ / ARGUMENT IS A JOURNEY (*We'll proceed in a step-by-step fashion. We have covered a lot of ground*), наоборот, высвечивает организованность дискуссии и скрывает ее конфронтационный аспект [2, p. 303–304]. Метафорическое картирование заряжено инференциями (*entailments, inferences*) [19, p. 47]: те составляющие коррелятивного домена, которые непосредственно не фигурируют в метафоре, могут быть выведены из неё. Например, в концептуальной метафоре СПОР ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ участники спора сопоставимы с путешественниками, сам спор сродни путешествию, а прогресс в споре – пройденному пути.

Высвечивание, имеющее место при метафорическом картировании, связано с действием принципа инвариантности (*Invariance Principle*), устанавливающего ограничения на те конституенты коррелятивного домена, которые могут быть высвечены в метафоре, а также на допустимые в его пределах метафорические инференции. Так, персонификация СМЕРТИ предполагает ограничения на ассоциируемые с ней человеческие качества: в метафоре она может пожирать или разрушать что-либо, но она не может выступать в качестве учителя или наполнять ванную [16, p. 233]. Метафорическое картирование сохраняет когнитивную топологию коррелятивного домена, согласуемую с ингерентной структурой референтного домена [16, p. 215]. Дж. Грейди называет составляющие коррелятивного домена, не используемые в метафоре, “прорехами картирования” (*mapping gaps*) [6, p. 270].

В теории примарной метафоры картирование коррелята на референт объясняется следующим образом: примарные референты представляют собой субъективный опыт как реакцию на перцептивный стимул. Формирование такого опыта происходит на уровне скрытой когнитивной обработки информации, к которому наше сознание имеет весьма

ограниченный доступ. Примарная метафора структурирует референтный концепт в терминах коррелята как сенсорного образа, тем самым когнитивные операции заднего плана выводятся на передний план. Это происходит благодаря тому, что коррелятивные концепты, в силу их сенсорной природы, более понятны и доступны [8, p. 87; 2, p. 306]. Примарные метафоры объединяют относительно простые сущности, нечленимые на составляющие, то есть имеет место “бедность картирования” (poverty of mapping) [6, p. 270], предполагающая и отсутствие “прорех картирования”. Поскольку в примарных метафорах отсутствует “абстрактный” референт, требующий структурирования, принцип инвариантности оказывается излишним.

Специфика взаимодействия референта и коррелята в примарных метафорах позволяет Дж. Грейди [6; 8] выделить особый метафорический тип – метафоры по взаимосвязи, которые противопоставляются метафорам по сходству.

В метафорах по сходству (resemblance-based metaphors) референт и коррелят имеют общие сопоставимые признаки. Например, в метафоре *Achilles is a lion / Ахилл (есть) лев* человеческая храбрость уподобляется инстинктивному поведению льва, поскольку (считается, что) и человек, и лев бесстрашно противостоят опасному противнику. Данный пример показывает, что такое уподобление может не иметь под собой реальных, онтологических оснований. Поскольку уподобление есть не отражение объективного факта, а наш ментальный конструкт, Дж. Грейди заменяет традиционный, идущий от Аристотеля, термин *similarity* (подобие) на термин *resemblance* (сходство), акцентируя тем самым субъективность метафоры.

Метафоры по сходству вписываются в круг явлений, которые Дж. Лакофф и М. Тернер называют “родовидовой метафорой” (GENERIC-IS-SPECIFIC metaphor) [20, p. 162]. По сути, родовидовая метафора вряд ли является метафорой как таковой, с чем соглашается и Дж. Грейди [8, p. 91]. В лексической семантике это явление принято называть расширением значения – операцией, противоположной сужению значения. В ней единичная видовая (специфическая) схема картируется на неограниченное количество прочих видовых схем, подводимых под общую родовую (обобщенную) схему, которая и становится референтом метафоры. Например, РИСК ЕСТЬ АЗАРТНАЯ ИГРА / RISK TAKING IS GAMBLING. В таких случаях прототипический представитель категории становится метафорическим субститутутом всей категории. В метафоре *Ахилл (есть) лев* имеет место аналогичное явление с той лишь разницей, что референтом метафоры является не родовая, а видовая концепт, относящийся к тому же самому роду [8, p. 92]. Иными словами, “родовидовая метафора” (если это метафора) напрямую соотносит вид с родом как понятийной категорией, включающей данный вид в качестве своего члена. Метафора по сходству демонстрирует связь между двумя видами, относящимися к одному и тому же роду, или к одной и той же понятийной категории. Связь между видовыми понятиями основана на их общем категориальном признаке. Так, в метафоре *Ахилл (есть) лев* и человек, и лев имеют признак “храбрость”, формирующий категорию ХРАБРЫЕ СУЩЕСТВА. В терминах теории взаимодействия (М. Блэк, А. Ричардс и др.), которая предшествовала теории концептуальной метафоры, общий признак референта и коррелята определяется как “основание” (ground) метафоры. Поскольку основание для сравниваемых объектов является общим, оно, действительно, формирует категориальное поле, куда включаются не только эти, но и прочие объекты, имеющие данный признак.

По мнению Дж. Грейди, в отличие от метафор по сходству, в метафорах по взаимосвязи (correlation-based metaphors) у референта и коррелята нет общего признака; например, ВАЖНОСТЬ ЕСТЬ РАЗМЕР / IMPORTANCE IS SIZE. Здесь картирование коррелята на референт осуществляется не на основе сходства сущностей, а на основе их природной взаимосвязи типа “стимул – реакция”. Дж. Грейди отмечает, что, конечно же, можно дать подобным примерам трактовку, аналогичную той, что была дана метафоре *Ахилл (есть) лев*, где референт и коррелят имеют общую характеристику “храбрость”. В этом случае в метафоре

большой день (ВАЖНЫЙ ДЕНЬ ЕСТЬ БОЛЬШОЙ ДЕНЬ) аналогично будем иметь два объекта, имеющих общую черту ВАЖНОСТЬ (то, на что мы обращаем особое внимание). Но здесь есть существенное отличие: в нашем представлении о больших объектах присутствует не один, а два аспекта – физический размер и важность – и именно их связка становится модельной проекцией и включается в наш концептуальный репертуар, используемый при образовании метафор [8, р. 95].

Думается, общность и различие между метафорами по взаимосвязи и метафорами по сходству можно показать путем объективации, называния основания метафоры – признака, по которому сравниваются референт и коррелят:

А. ХРАБРЫЙ АХИЛЛ есть как бы ХРАБРЫЙ ЛЕВ

-----0----- АХИЛЛ есть как бы -----0----- ЛЕВ

= *Ахилл (есть) лев* =

Б. ВАЖНЫЙ ДЕНЬ есть как бы БОЛЬШОЙ ВАЖНЫЙ ОБЪЕКТ

-----0----- ДЕНЬ есть как бы БОЛЬШОЙ -----0----- ОБЪЕКТ

-----0----- ДЕНЬ есть как бы БОЛЬШОЙ -----0----- -----0-----

= *день есть (как бы) большой → большой день* =

Метафора А. При картировании на референт АХИЛЛ коррелята ЛЕВ в нем активируется один признак – ХРАБРЫЙ. Для коррелята и референта он является общим, и в языковой форме его обозначение может быть опущено. Языковая форма включает только имена предметных сущностей: *Ахилл* (референт) и *лев* (коррелят). **Метафора Б.** При картировании на референт ДЕНЬ коррелята ОБЪЕКТ в нем активируются два признака – БОЛЬШОЙ и ВАЖНЫЙ, соответствующие примарной сцене, в которой большой объект привлекает больше внимания. Признак ВАЖНЫЙ для коррелята и референта является общим, и в языковой форме его обозначение опускается. Кроме того, в языковой форме опускается и обозначение коррелята ОБЪЕКТ. В результате в метафорическом выражении остается имя референта *день* и название признака коррелята *большой*. Этот признак изначально в сравнении не участвует, он является “остатком” от связки *большой – важный*. Однако приписывание этого “побочного” признака референту метафоры приводит к его понятийному обогащению. То есть возникает своего рода бленд, или “эмерджентная структура” (emergent structure), в которой слияние двух понятий приводит к образованию третьего, неидентичного сумме первых двух. Такие структуры являются объектом анализа в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконьи и М. Тернера [3]. Сам Дж. Грейди говорит о согласованности теории примарной метафоры с теорией концептуальной интеграции, но в несколько ином ключе [9; 10]. В целом же, хотя ученый и проводит знак равенства между примарными метафорами и метафорами по взаимосвязи, из его собственных объяснений следует, что это несколько разные вещи. То, что именуется “примарной метафорой”, фактически является двухфокусным (парным) основанием в “метафоре по взаимосвязи”.

Исходя из сказанного выше, можно задать естественный вопрос о том, не аналогична ли смежность понятий в примарной метафоре той смежности, которая характеризует метонимию. Давая ответ на этот вопрос, Дж. Грейди отмечает, что отношения между конститuentами примарной метафоры, действительно чрезвычайно похожи на метонимические [8, р. 85]. Если метафора демонстрирует отношение “X понимается в терминах Y”, то метонимия демонстрирует отношение “X стоит вместо Y” [2, р. 311]. По определению З. Кёвечеша и Г. Раддена, метонимия объясняется не в терминах картирования, а в терминах доступа к некоторому целевому понятию через другое, вспомогательное понятие, смежное с целевым в пределах одного и того же домена [14, р. 311]. Для отечественной лингвистики эта точка зрения на момент ее появления не была чем-то новым, она отражала давно сложившийся взгляд на метонимию, существовавший в советской школе языкознания, где под метонимией понималось использования имени одного понятия для обозначения другого, смежного с ним

понятия (например, имени части вместо имени целого: *лицо* вместо *человек*). При этом приоритет метонимии над метафорой никем не ставился под сомнение. В когнитивной семантике метонимия признается когнитивной операцией, которая является более фундаментальной, чем метафора. Соответственно, выдвигается предположение, согласно которому в основе метафоры может лежать метонимия, подтверждением чему служат отношения смежности между референтом и коррелятом в примарной метафоре. Например, для жидкости, налитой в стакан, её более высокий уровень соответствует её большему количеству. Когда это соотношение высоты уровня и количества переносится на более абстрактные сферы (типа *высокие цены*), мы имеем метафору-из-метонимии (*metaphor from metonymy*), или метафтонимию (*metaphonymy*) в терминах Л. Гуссенса [5; 2, р. 320].

Вопрос о культурной обусловленности (идиозотничности) и универсальности концептуальных метафор поднимается в связи с их разделением на примарные и комплексные, а также в связи с их неконвенциональностью и конвенциональностью.

В соответствии с теорией концептуальной метафоры, данные нашего телесного опыта объясняют причины появления метафор, но не определяют их форму, поскольку кроме телесного опыта в метафорах задействован и опыт культурный [16, р. 241]. В целом ряде работ, развивающих эту идею, отмечается, что в метафорах, широко представленных в единицах языка, отслеживаются различные случаи использования культурных моделей. Более того, модели культуры даже могут влиять на конструирование телесного опыта или же служить для него основой. С одной стороны, образные схемы, возникающие в результате обобщения сенсорных данных, могут возникать в результате культурно обусловленных взаимодействий. С другой стороны, люди могут приписывать культурную значимость различным телесным процессам и продуктам – дыханию, рождению, крови, поту, слезам и т. п. [4, р. 154; 12].

В теории примарной метафоры положение о культурной детерминированности метафорических процессов распространяется лишь на комплексные метафоры. Дж. Грейди объясняет различие между примарными и комплексными метафорами следующим образом: примарные метафоры соотносят два “простых” понятия, относящихся к конкретным доменам нашего телесного опыта; комплексные метафоры соотносят целостные комплексные, богатые деталями домены опыта. Комплексные метафоры возникают в результате объединения нескольких примарных метафор, к которым могут добавляться общеизвестная информация, различные знания и верования, укорененные в данной культуре, и пр. [7; 8, р. 84]. Так, комплексная метафора ТЕОРИИ ЕСТЬ ЗДАНИЯ / THEORIES ARE BUILDINGS объединяет две примарные метафоры:

- 1) УСТОЙЧИВОСТЬ ЕСТЬ СОХРАНЕНИЕ ВЕРТИКАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ /
PERSISTING IS REMAINING UPRIGHT.
- 2) ОРГАНИЗАЦИЯ ЕСТЬ ФИЗИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА /
ORGANIZATION IS PHYSICAL STRUCTURE.

Отличительной особенностью теорий является их сложная организация, включающая модели, гипотезы, предпосылки, свидетельства и выводы. Кроме того, хорошая теория выдерживает проверку временем. Отличительной особенностью зданий является то, что они долгое время сохраняют вертикальное положение и имеют сложную физическую структуру. То есть, характеристики, объединяющие ТЕОРИИ и ЗДАНИЯ, являются именно теми, что представлены в референтах и коррелятах примарных метафор. Дж. Грейди [7] утверждает, что мы концептуализуем ТЕОРИИ как здания, поскольку в нашей культуре именно они являются прототипами вертикально стоящих объектов, имеющих сложную физическую структуру. Поскольку объединение примарных метафор в составе комплексной метафоры осуществляется с учетом тех или иных культурных аспектов, комплексные метафоры приобретают идиозотничность, то есть рязнятся от языка к языку.

В отличие от комплексных метафор, примарные метафоры универсальны, так как мотивирующие их примарные сцены суть элементы универсального базового сенсомоторного, эмоционального и когнитивного человеческого опыта, не зависящего от конкретной культуры [8, р. 85]. Определенные модели такого опыта либо являются врожденными, “встроенными” в нашу церебральную систему, либо приобретаются опытным путем, либо же становятся результатом того и другого. Повторяемость определенных метафорических моделей в различных культурах настолько разительна, что какой бы опыт не предопределял их появление, он должен быть основополагающим для человека в целом, а не относиться к каким-то локальным, культурно обусловленным практикам. К примеру, метафорическая модель БОЛЬШОЙ ЕСТЬ ВАЖНЫЙ встречается в большом количестве неродственных языков [8, р. 80–81]. В то же время, по мнению П. Лимы [21], подобные утверждения относительно независимости примарных метафор от культурного фактора требуют проверки на большем массиве данных.

Проблема культурной обусловленности метафор связана с проблемой их предсказуемости, конвенциональности. По словам Дж. Грейди [8, р. 97], возможности человеческого воображения в плане установления соответствий безграничны. Поэтому для создания метафор по сходству практически не существует ограничений. Метафоры же по взаимосвязи представляют собой рекуррентные типы специфического опыта, на формирование которых накладываются ограничения. Это особенно очевидно в примарных метафорах, демонстрирующих типы ассоциативных взаимосвязей, повторяющиеся в различных языках.

Изложенные выше основные постулаты теории примарной метафоры можно обсуждать на предмет их соответствия тому или иному явлению (к примеру, дискутировать по поводу того, является ли примарная метафора метафорой как таковой). Однако такое обсуждение выходит за рамки настоящей статьи. Задачей статьи был показ релевантности теории Дж. Грейди для анализа обширного пласта метафорических выражений, существующих в языке и речи. Данная статья позволит составить изначальное общее представление о теориях концептуальной и первичной метафоры, а также даст толчок к более глубокому их изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 296–297.
2. Evans V. Cognitive linguistics. An introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
3. Fauconnier G. The Way We Think : Conceptual blending and the mind’s hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : New York Basic Books, 2002. – 440 p.
4. Gibbs R. W. Taking metaphor out of our heads and putting it into the cultural world / R. W. Gibbs // R. W. Gibbs, G. J. Steen Metaphor in cognitive linguistics. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – P. 145–166.
5. Goossens L. Metaphonymy : the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1/3. – P. 323–340.
6. Grady J. Foundations of meaning : Primary metaphor and primary senses. Doctoral thesis. Linguistics Dept., University of California, Berkeley, 1997 / J. Grady. – Режим доступу :
7. Grady J. Theories are buildings revisited / J. Grady // Cognitive Linguistics. – 1997. – № 8/4. – P. 267–290.
8. Grady J. A typology of motivation for conceptual metaphor : Correlation vs. resemblance / J. Grady // R. W. Gibbs., G. J. Metaphor in cognitive linguistics. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – P. 79–100.

9. Grady J. Metaphors as inputs to conceptual integration / J. Grady // A. Hougaard, N. S. Lund (eds.). The way we think. Odense working papers on language and communication. – № 23. – Vol. 3. – Odense, Denmark : Institute of Language and Communication, University of Southern Denmark, 2002. – P. 39–40.
10. Grady J. Primary metaphors as input to conceptual integration / J. Grady // Journal of Pragmatics. – 2005. – № 37. – P. 1595–15614.
11. Johnson M. The body in the mind : The bodily basis of meaning, imagination and reason / M. Johnson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 272 p.
12. Kövecses Z. Metaphor : Does it constitute or reflect cultural models? / Z. Kövecses // R. W. Gibbs., G. J. Steen Metaphor in cognitive linguistics. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – P. 167–188.
13. Kövecses Z. Metaphor : A practical introduction / Zoltán Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 375 p.
14. Kövecses Z. Metonymy : developing a cognitive linguistic view / Z. Kövecses, G. Radden // Cognitive Linguistics. – 1998. – № 9/1. – P. 37–77.
15. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar : 2 vol. / Ronald W. Langacker. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical prerequisites. – 516 p.
16. Lakoff G. Contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // Metaphor and thought. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
17. Lakoff G. Women, fire and dangerous things : What categories reveal about the mind / George Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
18. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 239 p.
19. Lakoff G. Philosophy in the flesh : The embodied mind and its challenge to Western thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.
20. Lakoff G. More than cool reason : A field guide to poetic metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
21. Lima P. L. C. About primary metaphors / P. L. C. Lima // DELTA. – 2006. – Vol. 22. – Режим доступу : <http://www.scielo.br/scielo.php?pid=SO102-44502005000300009&script>.
22. Talmy L. Toward a cognitive semantics : in 2 vol. / Leonard Talmy. – Cambridge, Mass ; London : The MIT Press, 2000. – Vol. 1 : Concept Structuring Systems. – 565 p.

Дата надходження до редакції
07.04.2011